

18+

Марианна Рейбо

Солнце в зените

Сборник рассказов и стихов (дополненное издание)

Марианна Рейбо
Солнце в зените. Сборник
рассказов и стихов
(дополненное издание)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72883742

ISBN 9785006873445

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Рассказы Марианны Рейбо – глубокие, вдумчивые, эмоциональные, погружают в мир тонкого психологизма и ярких художественных красок, затрагивая философские вопросы человеческого бытия. Экзистенциальное одиночество, поиск своего места в мире и неугасимая надежда на лучшее – вот лейтмотив творчества талантливого прозаика, чье легкое, отточенное перо то вызывает улыбку, то прошибает на слезу, то пробуждает тревожное чувство дежавю, вызывая в читателе всплеск собственных ассоциаций и воспоминаний.

Содержание

Рассказы	5
Грифельная досочка	5
Солнце в зените	17
Послания к незнакомому мужчине	34
1	34
2	37
3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Солнце в зените
Сборник
рассказов и стихов
(дополненное издание)

Марианна Рейбо

© Марианна Рейбо, 2025

ISBN 978-5-0068-7344-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Грифельная дощечка

Откинувшись на подушки в полумраке одинокой комнаты, я закрываю глаза и снова вижу ее. Вижу смуглые колени, мелькающие из-под белизны поддернутой юбки, ее тонкие щиколотки, игриво рассыпающие брызги у берега мутной реки Тэдонган... Легкость и свежесть – вот чем была Юонг. Когда я приходил в ее игрушечный домик с темной черепичной крышей, она усаживала меня на татами из золотистого тростника и бесшумно раздвигала седзи¹, впуская в комнату зеленый шелест летнего сада. Усыпанный цветами куст жасмина, росший возле дома, в тот же миг заполнял собою воздух, и благоуханье нежных лепестков навсегда связалось у меня с трепетом первой любви и горечью первой потери.

Это было без малого семьдесят лет назад. Мой отец, полковник Советской армии, служил на Дальнем Востоке на границе с Китаем. Осенью 1945 года, когда Квантунская армия была разгромлена нашими войсками, а Маньчжурия и Се-

---

¹ Оклеенные пергаментом стенные рамы из легких деревянных планок, заменяющие окна в традиционных жилищах азиатских стран.

верная Корея освобождены от японской оккупации, его направили торговым представителем в главный город страны Утренней Свежести, Пхеньян. Два года спустя, когда мне исполнилось тринадцать лет, к отцу переехали и мы с матерью. Нас поселили в небольшом особняке, прежде принадлежавшем японскому генералу, а теперь перешедшем в распоряжение советской миссии. После долгих месяцев голода и лишений, пережитых нашей семьей в дальневосточном Уссурийске, я с особой остротой впитывал открывавшуюся мне южную сказку, полную причудливых запахов и красок. И сегодня, словно наяву, в лучах закатного солнца встают передо мной изумрудные вершины Алмазных гор, а по мерцающей водной ряби гордыми лебедями проплывают белые лотосы в обрамлении огромных листьев.

Живя при посольстве, мы старались избегать контактов с коренным населением, поскольку знакомства такого рода могли навлечь неприятности, однако я мог свободно общаться с детьми из русскоговорящих корейских семей, недавно переехавших на историческую родину с Дальнего Востока, из Казахстана и других областей. Вместе с ними я начал посещать школу, а когда приблизилось время летних каникул, узнал, что некоторые из моих корейских однокашников записались в кружок живописи, который недавно открылся в доме старого местного художника. Поскольку у меня было врожденное стремление к рисованию, я загорелся желанием посещать эти занятия, и после непродолжительных препира-

тельств отец отвел меня в серую фанзу² с маленьким изящным садом. Учитель рисования, сухонький старичок в белых одеждах и черной волосяной шапочке, почти не говорил по-русски, но блестящие угольки его глаз, казалось, видели тебя насквозь и без слов. Слегка поклонившись моему отцу в знак приветствия, он оглядел меня с ног до головы, улыбнулся и, задумчиво погладив реденькую седую бородку, жестом пригласил меня пройти в дом.

Сняв у порога обувь, я прошел в комнату, где полдесятка учеников, сидя на татами, сосредоточенно рисовали цветными мелками на грифельных дощечках. Тот день стал для меня первым из многих счастливых дней, которые я провел за рисованием в этом благословенном доме. Чтобы дать простор нашему воображению, учитель раздвигал пергаментные сиди на передней стене, расстилая перед нами лоскутное одеяло таинственного Востока. Ломаные изгибы карликовой сосны возле фасолины бетонного бассейна, розовое кружево цветущего миндаля, размытые очертания холмов в голубоватой дымке горизонта – все это, проходя сквозь душу, рождалось вновь под кропотливыми пальцами юных художников.

В один из дней, в который раз рисуя сад учителя, я оторвал взгляд от грифельной доски и вдруг увидел белого мотылька, летящего по извилистой дорожке прямо мне навстречу. Помахивая синей матерчатой сумкой, мотылек

---

² Традиционное восточное жилище.

вприпрыжку приближался к дому, отдавая на забаву ветру шелковые ленты короткой кофточки и разметавшиеся по плечам блестящие черные косы. В Корее я каждый день видел грациозных черногривых девиц в белых одеждах, несших в больших кувшинах колодезную воду или выбиравших на рынке свежую рыбу. Но тут впервые что-то неведомое, как штормовая волна, накатило на меня, и, оглушенный порывом, я одним махом стер с доски начатый было эскиз. На миг зажмурившись, чтобы остановить мгновенье, я в несколько штрихов набросал струящуюся с неба каменистую дорогу и летящий по ней силуэт незнакомки. Склонившись у меня над плечом, учитель одобрительно кивнул, властной рукой забрал мою дощечку и поставил ее на полку инкрустированного перламутром шкафа.

Изо дня в день начал я выжидать появления своего мотылька, приходя раньше других учеников и ища возможность как можно дольше задержаться. И действительно, вскоре я вновь увидел ее, а потом еще и еще. Не решаясь подойти, я издалека следил за нею, играющей в саду или гуляющей по набережной Тэдонган, и втайне молился, чтобы кто-нибудь напал на нее, а я бы ее спас, или чтобы она упала в свинцовые воды реки, а я нырнул бы следом и вытащил ее на берег.

Как-то раз, ведомый страстью, я крался следом за дамой своего сердца вдоль торговых рядов, мастерски прячась за ширмой лавок, предлагавших многообразие души-

стых пряностей и благовоний, орехов и фруктов, статуэток Будд и украшений. Остановившись у прилавка с морепродуктами, девочка купила кулек сушеных кальмаров и начала жевать их прямо на ходу, подобно тому, как наши школьники жуют конфеты или тянучки, спеша перебить аппетит перед обедом. Ни на минуту не упуская ее из виду, я пересек рынок и проследовал за ней до фонтанчика, освежавшего раскалившийся от солнца воздух звенящими водяными струями. Девочка присела на край фонтана, положила синюю сумку себе на колени, и, неожиданно обернувшись в мою сторону, пустила мне в глаза солнечного зайчика, отскочившего от медной поверхности браслета на ее запястье.

– Зачем ты всюду за мной таскаешься? – спросила она строго на чистом русском языке, без улыбки глядя на мою нелепую, заледеневшую от ужаса фигуру.

– *Аннен Хасимникка*³! – только и смог выдать я из себя, мечтая сейчас же, немедленно провалиться сквозь землю.

При виде моего отчаянного положения незнакомка не удержалась, и смех задрожал на ее губах, рисуя на щеках две симпатичные ямочки.

– Меня зовут Юонг, Ким Юонг. – Она смело протянула мне свою тонкую ручку ладонью вверх. – Я знаю, ты ходишь на уроки рисования к моему дедушке.

Так начались наши тайные встречи. После занятий, делая вид, что собираюсь уходить, я тихо прокрадывался в ком-

---

³ Корейское приветствие.

нату Юонг или же вечерами, сбежав из дома, с замиранием сердца ждал ее у калитки сада, и мы шли гулять под звездами на опустевшую набережную. Нигде и никогда больше я не видел таких звезд. Они казались огромными, и благодаря малой освещенности улицы можно было в мельчайших подробностях разглядеть всю звездную карту и серебристую дорожку млечного пути. В одну из таких прогулок Юонг рассказала, что в Пхеньяне она живет немногим дольше меня, а до этого они с отцом жили на северо-востоке Китая в Харбине. Отсюда и ее виртуозное владение русским языком, ведь после Октябрьской революции Харбин стал прибежищем для многих семей белогвардейцев, и к моменту появления Юонг на свет был практически русским городом.

– А твоя мама? – осторожно спросил я, терзаемый нехорошим предчувствием.

– Мама... Мамы нет. Я... Я убила ее.

Девочка подняла глаза к небу и с силой закусил губу, чтобы не заплакать. Оказалось, двумя годами ранее Юонг заболела туберкулезом легких. Ее мать, не смыкавшая глаз над постелью больной, тогда чудом выходила ее, но сама заразилась и умерла. Потому-то, после того как в августе сорок пятого Харбин заняла наша Дальневосточная армия, отец Юонг, наслышанный о частых рецидивах туберкулеза, получил разрешение отправить дочь в Корею к деду – в более подходящий климат, а главное, подальше от тяжелых воспоминаний.

– Мы, корейцы, верим, что душа умершего покидает этот мир только после смены четырех поколений, – продолжала рассказ Юонг, – а потому я знаю, что моя мама по-прежнему рядом со мной.

Она задумчиво, как-то по-особенному заглянула в мое по-суровевшее от бремени ее слов лицо и, выдержав паузу, добавила:

– И если я умру первой, я тоже всегда буду рядом с тобой.

– Замолчи!

Меня вдруг обуяла злость. Отпрянув от своей спутницы, я вынул из кармана перочинный ножик, который по привычке всюду носил с собой, и с силой запустил его в раскидистое дерево гинго белобы, росшее посреди аккуратной зеленой полянки.

– Я тебя разозлила?

Она осторожно тронула меня за плечо, но я с раздражением скинул ее руку.

– Нет. Просто пора домой.

Я выдернул нож из древесной раны и ускорил шаг. Я чувствовал, что Юонг слегка оробела, но старалась идти со мною в ногу.

– Не сердись! Дай ножик. Ну дай.

Пожав плечами, я остановился и протянул ей свое холодное оружие. Потрогав острие и убедившись, что оно заточено, Юонг ловкими пальцами начала расплетать свою роскошную косу и, отделив одну прядь, чиркнула по ней лезви-

ем. Затем она вложила отрезанный локон мне в руку.

– Держи. На память.

– Вот еще глупости!

Я сварливо сморщился, но незаметно сунул шелковистую черную прядь в карман вместе с ножиком. Около ее дома мы скомканно попрощались. В ту ночь мне снились плохие сны.

Мои родители лишь вздыхали и разводили руками – в то лето я стал совсем неуправляемым. Целыми днями я где-то пропадал, не заходил домой даже пообедать, а вместо этого уплетал в гостях у Юонг изумительную квашеную капусту кимчхи с острым привкусом моллюсков. Если же голод заставал нас в круговерти городских улочек, мы перекусывали сладким бататом⁴, который корейки готовили на жаровнях в широких плоских корзинах, стоявших на полотняных валиках прямо у них на голове. Юонг выбирала бататы поподжаристой, почти обугленные. Я смеялся, глядя на ее перепачканные в золе губы, и она весело заливалась в ответ, сверкая жемчужными зубками и черным миндалем раскосых глаз. И все же нам пришлось расстаться – ненадолго, всего на неделю родители увезли меня из города.

Когда я вернулся, в Пхеньяне бушевал тайфун. И днем и ночью растерзанное небо сыпало молнии, земля утопала под ливнем, так что невозможно было выйти из дома, и я не видел Юонг, не знал, что с нею. К концу третьего дня я не выдержал и, скача под ледяными струями как заяц,

---

⁴ Сладкий картофель.

мокрый до нитки добежал до дома учителя. Что-то страшное распирало грудь, не давая нормально дышать. Я толкнул калитку. Залитый лужами сад казался тусклым и осиротевшим. Побитые ливнем цветы на кустах опустили головки, вода в бассейне помутнела, не слышно было щебетанья птиц. Седзи были плотно сомкнуты, сколько я ни звал, никто не открыл мне – дом стоял пустой.

Предчувствия не обманули меня. Вскоре я узнал, что Юонг увезли в больницу с открытой формой туберкулеза. Новостей не было долго, пока, наконец, однажды вечером в серой фанзе не загорелся свет. Все мое нутро кричало, что нужно скорее бежать туда, узнать, что с Юонг, но предательские ноги отказывались идти, парализованные страхом. Тогда я упросил отца сходить и узнать, как обстоят дела. Отец вернулся хмурый. Он долго чиркал спичкой, закуривая сигарету, потом, глядя куда-то в угол, приблизился и опустил ладонь мне на плечо.

– Ее домой привезли. Плохо дело, брат.

Услышав его слова, мать охнула и прикрыла лицо руками, потом подошла ко мне, желая обнять, но я вырвался и побежал прочь из дома.

Очень резко, как через лупу, я видел в темноте каждый камень на дороге, каждую ветку проносившихся мимо деревьев. Седзи в комнатке Юонг были по-прежнему плотно сомкнуты. Я глотнул воздуха, и, раздвинув щель, пролез внутрь. Она лежала на татами, плотно закутанная в одеяло,

черным вороненком утопая в подушке. Опустившись на пол возле, я не мигая смотрел в ее запрокинутое мертвенное лицо. Вдруг она пошевелилась и открыла глаза.

– Я знаю, что ты здесь, я не сплю. Я притворилась, чтобы дедушка пошел отдохнуть немного.

Она постаралась улыбнуться и слегка приподнялась на подушках.

Я по-прежнему молчал, не зная, что сказать.

– Пожалуйста, раздвинь сиди, мне душно. Я хочу видеть небо.

Я раздвинул деревянные рамы во всю ширь, и южная ночь, мерцая серебром небосвода, вошла в комнату.

– Да, да, вот так хорошо...

Она с наслаждением втянула грудью воздух, но тут же закашлялась и упала обратно на подушку. Я кинулся было к ней, но она жестом остановила меня.

– Нет, не надо, все хорошо! Мне лучше, гораздо лучше. Оставайся там, не подходи.

Но я не послушал и снова прильнул к ее изголовью. Осторожно коснувшись губами истаявшей щечки Юонг, я почувствовал, как она горит.

– Ты поправишься, обязательно поправишься! – зашептал я, как в дурмане, опустив голову рядом с ней на подушку. – Ночной воздух вылечит тебя. Тебе ведь лучше?

– Да, да, мне гораздо лучше!

С холодеющим сердцем я разглядывал в темноте пятныш-

ки крови на краю белого одеяла и в бессилии сжимал в ладонях ее руку, когда ее вновь начинали бить долгие приступы кашля.

К утру Юонг не стало.

На ватных ногах покидая дом учителя, я снял с полки лакового шкафа грифельную дощечку и сунул за пазуху. Тонкая девочка с синей матерчатой сумкой на плече летела по извилистой дороге куда-то вперед, в пустоту...

Не оглядываясь, я уходил прочь, твердо уверенный, что больше ничего в моей жизни не будет.

Вскоре отец вместе с армией покинул Пхеньян, а мы с матерью остались там еще на три года. По воле рока нам пришлось стать очевидцами ковровой бомбардировки города американцами. Сидя в окопе вместе с местными жителями и пытаясь прикрыть собою мать, я слушал, как стонет земля под бомбами, с грохотом несшимися с высоты в шесть тысяч метров. Тройки самолетов В-29, прозванных «Летающей крепостью», кружили над городом, превращая его в горящие руины. Словно свечи, один за другим вспыхивали корейские домики. Из огня вырывались женщины с обезумевшими глазами, волоча на подолах рыдающих от ужаса детей. Одна из бомб накрыла и серую фанзу учителя, оставив вместо дома и сада дымящуюся черную воронку. Когда я узнал об этом, то в душе невольно порадовался, что добрый старик этого уже не увидел.

Вернувшись в Союз, я поступил в институт и стал про-

фессиональным художником. Призвание не обмануло меня, подарив мне немало счастливых творческих лет. Сейчас мне за восемьдесят, и вечерами я люблю перелистывать старые фотоальбомы, хранящие память о многих встречах и поездках, которые мне подарила судьба. Но в Пхеньяне я больше ни разу не был. Не тянет меня в этот город, отгородившийся от мира, обросший бетонными коробками и ставший неотличимым от сотен других городов. Но ушедший Пхеньян всегда со мной. Он свернулся черным, потускневшим от времени локоном в серебряном медальоне, рядом с портретом матери. Он смотрит на меня с запылившейся грифельной дощечки и, прорывая завесу лет, летит белым девичьим силуэтом по извилистой дороге моей жизни...

Солнце в зените

– Не хочешь выкладываться на все сто, пиши по собственному!.. – Голос начальницы бил в барабанные перепонки, в то время как Оксана, съжившись на стуле под прицелом выпуклых бесцветных глаз, упорно искала что-то взглядом на полу. – Первое правило нашей компании – во время сдачи проекта каждый сотрудник вкалывает до кровавого пота! Что-то я не заметила, чтобы у тебя пот капал со лба! Да, у нас рабочий день до семи, но никто в семь не уходит! Остаются до ночи!

«Не моя вина, что вы строите работу так, чтобы все задолбались! Не моя вина, что все делается в последний момент, когда можно делать все спокойно, без истерик! И уж не знаю, с чего вы взяли, что за тридцать тысяч в месяц вы покупаете не мое рабочее время, а меня целиком, как раба!»

– Но ведь все техпланы я сдаю вовремя... – Все, что Оксана с трудом смогла промямлить вслух.

– Надо жить корпоративным духом. Ты уже достаточно давно в нашей команде, чтобы понимать: если ты всецело не вливаешься в наш поток, он тебя выбрасывает!

Когда два года назад Оксана пришла в эту дизайнерскую компанию, ей пришлось несколько месяцев проходить «дрессировку стрессом». Начальница кричала, била руками по ее рабочему столу, так что ноутбук подпрыгивал, грозясь

грохнуть на пол. И Оксана изо всех сил держала лицо, чтобы уже дома, зарывшись головой в подушку, тихонько плакать, отводя душу. Да будь у нее возможность, она бы с радостью проявляла «креатив». Но на деле поле для фантазии было столь убогим, что бороться оказалось просто не за что. Вся работа дизайнера-проектировщика сводилась к черчению типовых залов с типовым набором стендов для типовых промышленных выставок.

И сейчас, сидя на очередном «разогреве» в кабинете начальницы, Оксана мечтала только об одном: бежать, бежать без оглядки из этого проклятого места, от тошнотворной рутины, от этой надменной, жестокой дрессировщицы... Но... это была единственная работа, где ей удалось хоть как-то закрепится.

– Я тебе с самого начала говорила, художник – не профессия! – с напускным спокойствием сетовала мать, разогревая на ужин котлетки с брокколи. – Мы с отцом не зря советовали – иди в экономический. Нет, уперлась рогом, настояла на «суриковке». И что теперь?..

– Ну не век же гнить в тухлом офисе... – слабо сопротивлялась Оксана, стараясь отогнать нараставшее чувство вины.

– Ну, иди с мольбертиком на Арбат, привлекай прохожих – нарисую красивый портретик за три копейки.

– Почему бы и не портрет...

– А то ты не видела, кто там за мольбертами сидит? Мар-

ги-на-лы! «Творческие личности» без денег и прописки. Мы с отцом уже старые. Кто тебя, глупую, кормить будет?

«Кор-р-р-мить...». Растянувшись на кровати в своей комнате, Оксана перекатывала в горле это стыдное слово, мучительно режущее слух: «Кор-р-р-мить...». Она рассеянно задержала взгляд на висевшем на стене календаре: тигрица с тигренком. Тигренок нежно прижимался к маме, блаженно щуря глазки под ее шершавым языком, пока та заботливо вылизывала ему ухо. «Интересно, а она задумывается о том, что кормит его?.. Вряд ли. Наверное, она его просто любит... любит – и все... лю-бит...».

Плавно погружаясь в сгущающиеся сумерки, Оксана не заметила, как заснула, свернувшись в позе эмбриона и крепко обняв подушку. Она спала так каждую ночь, которую проводила не у Сергея. Сегодня она спала спокойно, ведь впереди ее ждал не унылый офис, а вожденная суббота, и Сергей обещал сводить ее на выставку, а потом они, наверное, пойдут к нему и в обнимку посмотрят какой-нибудь романтический фильм...

Но обещанный звонок так и не разбудил Оксану субботним утром. Она тщетно ждала до обеда, а вечером Сергей заехал к ней без предупреждения, мрачный, неприветливый, и на расспросы предложил пойти в ближайшее кафе поговорить.

Невероятно, но ее почти не удивили его жалкие, вымученные, разделенные судорожными глотками капучино сло-

ва: «нам лучше расстаться», «ты не любишь меня», «я устал ждать»... и наконец – «я уже месяц встречаюсь с другой».

Оксана поняла, почему Сергей решил порвать с ней здесь, на людях. Он боялся, что она ударится в слезы, закатит истерику. Ну уж нет, она не доставит ему такого удовольствия.

А Сергей все говорил, говорил, то и дело смачивая глотками кофе пересыхающее горло:

– С тобой я не вижу перспектив... Мы уже год вместе, но ты так и не переехала ко мне. Я пробовал говорить о совместном будущем, а ты только смеешься. Ты всегда относилась ко мне как мужчине, который здесь и сейчас... Но не завтра, не через год... Я устал. А она, понимаешь, она...

– Я тебя услышала. Желаю вечного счастья!

Оксане хватило мужества не обернуться, оставляя за кофейным столиком свою женскую гордость и разбившиеся остатки иллюзий. Только дома, в убежище постели, еще крепче обнимая подушку, она позволила себе заглянуть в разверзшуюся у ее ног трещину. Прав ли Сергей, что оставил ее? Готова ли она была выйти за него?.. Она не знала. Знала только, что ее родители хотели внуков и радовались зрелому, уважаемому жениху с отдельной квартирой. Во всех смыслах он был хорош, и не его вина, что рядом с ним у нее не билось сердце, а в душе твердым шариком застыл вакуум, не впускавший в себя естественные радости. Она не любила готовить, не умела налаживать быт, не знала,

как научиться хотеть мужа и детей. Ей шел двадцать восьмой год, а она до сих пор так и не определилась, кем станет, когда вырастет. Ее куда больше интересовало, как свет лампы отбрасывает тени предметов, как пылинки кружат в лучах утреннего солнца, как ливень размывает городские улицы и силуэты прохожих. Но художник – это не профессия.

За этими размышлениями она и встретила рассвет. Завернувшись в плед, она залезла на подоконник и открыла окно. На нее пахнул сыростью пакостный московский июнь, орошавший мелким дождем серую пустынную улицу.

– Опоздала, везде опоздала, – безотчетно вслух произнесла Оксана, и внутри как будто что-то оборвалось.

У нее ничего не было. Ничего не получилось. Все, чего ей хотелось – чтобы кто-то нажал на кнопку «стоп», прервав этот бесконечный поток одинаковых дней, несущих ее в бессмысленную пустоту. Она смертельно, смертельно устала от самой себя.

Так проходило лето. Оксана еле вставала по утрам, кляня то удушливую городскую жару, то дождливую пасмурность. С трудом добиралась до работы, неизменно подавляя приступы тошноты, нараставшей по мере приближения к бетонной коробке офиса. С отвращением глотала пищу, не чувствуя вкуса.

Когда на горизонте замаячил конец августа, Оксане внезапно позвонила подруга детства, с которой она не виделась уже много лет. Услышав некогда родной голос, Оксана

неожиданно для себя разоткровенничалась и поведала подруге о том, как все ей опротивело. Пустота, мертвая пустота внутри и снаружи...

– Бери отпуск! – с решительной веселостью сказала подруга. – Тебе нужно встряхнуться.

Отпуск?.. Простота и прозаичность вердикта повергли Оксану в ступор. У нее жизнь в руинах, а та ей – отпуск... встряхнуться...

Но подруга стала настаивать. Рассказала, что ее родная тетка в крымской деревушке на южном берегу сдает домик. Если Оксана согласится снять на месяц, то по знакомству она берется организовать совсем недорого. Тем более пик сезона позади.

– Да кто меня на месяц с работы отпустит. И что я там делать одна буду. Нет-нет, это невозможно...

«Это не-воз-мож-но!» – повторяла себе Оксана, записывая номер телефона в Крыму. «Это невозможно», – бубнила она под нос, пока пальцы, подрагивая, выводили: «Прошу предоставить оплачиваемый отпуск...» и дальше немислимую цифру – 28 календарных дней разом!

– Это невозможно! – возмутилась начальница. – Ты с ума сошла! Максимум на две недели!

– В прошлом году я вообще отпуск не брала! – выпалила Оксана, и сама оторопела от собственной наглости.

Начальница смерила Оксану озадаченным взглядом и брезгливо подписала заявление:

– Обойдемся!

Серебристый лайнер качнул крылом, и за стеклом иллюминатора под легкими перьями облаков огнем вспыхнула безбрежная лазурь.

Море! Как много лет она его не видела... Еще в школьные годы ее возили на черноморский курорт с большой группой одноклассников, но тогда встреча с морем вызывала скорее поросячье веселье, да и налаженный режим шумного детского лагеря не позволял остаться с морем наедине и по-настоящему его почувствовать. И вот теперь море дышало там, далеко внизу, под брюхом их игрушечного самолетика, и, словно чешуя огромной чудо-рыбы, то отливало перламутром, облитое розовым светом утренней зари, то наливалось глубокой синевой. Впервые она видела его вот так, с высоты полета, во всем его спокойном, царственном величии. Сердце подпрыгнуло от испуга – не забыла ли она альбом и пастель для рисования. Мысленно перебрав багаж, Оксана расслабленно откинулась на спинку кресла. Нет, все было собрано.

И вот уже веселое маршрутное такси вприпрыжку несется по серпантину. И спящие солнечные лучи обжигают сквозь оконное стекло. Мимо Оксаны, прижавшейся носом к окну, проносятся выгоревшие поля и можжевельниковые рощи, а между хребтов скалистых гор то и дело мелькают россыпи крошечных дачек.

Деревушка, в которой Оксана сняла домик, находилась

в десятке километров от Ялты, на отшибе от кипучей жизни оживленных крымских курортов. Пока Оксана добралась до места, на скорую руку раскидала вещи и немного отдохнула с дороги, солнце успело пробежать по дуге с востока на запад, и к побережью ласковой кошкой стал подкрадываться мягкий южный вечер. Когда она оказалась на пляже, там уже почти никого не было. Лишь несколько голов, широко разбросанных друг от друга по золотящимся закатом волнам, еще мелькали над толщей воды, да одна пожилая пара на берегу заботливо растирала друг друга полотенцами.

«Я не буду сегодня купаться. Уже поздно. Только зайду по щиколотку, ну, или по колено, поздороваться». Оксана скинула сарафан, подняла и заколола на макушке длинные русые волосы и, стыдливо подтягивая купальник на своем белесом, не тронутом солнцем теле, поспешила к воде, с непривычки неуклюже балансируя на крупной пляжной гальке. Прохладным пенистым языком море лизнуло ноги, и, ощутив от этого прикосновения легкий укол в груди, Оксана слегка поежилась. «Точно не буду сегодня купаться», — мысленно повторила она. Но чем дальше она заходила в воду, тем ласковее море принимало ее. Она чувствовала, как в нос все сильнее ударяет свежий арбузный запах, как мелкие камешки, отползая вместе с шипящим прибором, щекочут ей ноги. И вот уже морская прохлада охватила бедра, руки оперлись на шелковую упругость волны. И тело, чуть вздрогнув от озноба, помимо воли, само скользнуло морю

навстречу...

Так начались самые уединенные и безмятежные дни в жизни Оксаны. Она впервые всецело принадлежала сама себе, могла не торопясь и без привычного чувства вины предаваться созерцанию красот окружающего мира. Груз проблем, ежечасно давивший на нее в столичном плену, теперь, словно дурной сон, остался там, далеко за хрустальным куполом горизонта. Она снова и снова окуналась в море, до блаженной неги в ногах. Загорая на пляже, украдкой делала наброски в альбом, ловя колоритные типажи среди отдыхающих, или смешивала оттенки пастели, стараясь как можно точнее передать прозрачную лазурь волны. А когда спадала жара, спешила на местный рынок, с живостью впитывая глазами пестроту изобилующих прилавков, радостно вдыхая аромат фруктов и соленый запах свежей рыбы.

– Почем у вас эти карпы?

– Это кефаль. Двести рублей за кило.

– Что-то дороговато...

– Поймана на рассвете, дешевле не найдете. Но для такой красавицы, пожалуй, сделаем скидку!

Оксана подняла глаза и увидела смеющиеся глаза юноши, стоявшего за прилавком. Белоснежная улыбка дикаря освещала его красивое смуглое от загара лицо, выгоревшие под солнцем волосы непослушно вихрились на затылке пушистыми прядями. Оксана на мгновение замерла, напрочь забыв, зачем пришла.

– Так что, брать будете?..

– Н-нет... Ничего не надо, спасибо!

Оксана поспешно положила рыбу обратно на прилавок и с неуместной торопливостью пошла прочь.

– Напрасно отказываетесь, кефаль первый сорт! – Донесся до нее задорный голос юноши.

Но она даже не обернулась.

Через два дня море заштормило. Спасатели повесили на пляже красный флаг, обозначающий, что купаться запрещено, и отдыхающие разбрелись, кто в рестораны, кто на экскурсии. И только Оксана, упрямо завернувшись от поднявшегося ветра в шерстяную кофту, бродила вдоль берега, подыскивая наиболее удачное место, чтобы предаться любимому делу – рисованию. Она и не заметила, как ушла довольно далеко от общественного пляжа, туда, где крутые волны с грохотом разбивались о прибрежные скалы, а берег был забросан терпко пахнущими черными водорослями. Именно здесь, как нигде, чувствовалась сила природы, именно здесь стихия во весь голос заявляла свои права, оставляя человеку только роль смиренного наблюдателя. Забравшись на высокий камень, Оксана раскрыла свой альбом и уже погрузилась было в рисование, но вдруг заприметила, как из высокой волны появляется тонкий загорелый силуэт. Из клокочущей морской пучины на берег выбирался человек.

– Безумец!

Но парень явно чувствовал себя неплохо. Отряхнув с лица воду, он по-кошачьи потянулся, с удовольствием напрягая мышцы подтянутого, блестящего от стекающих капель тела. Затем он ловко забрался на невысокую скалу и уселся, свесив ноги над подлетающими к ступням волнами.

– Мальчишка! Идиот! – бурчала себе под нос Оксана, с раздражением растирая пальцами пастель по бумаге.

Но вскоре как-то сам собой альбом сунулся обратно в сумку, туда же легла шерстяная кофта и сарафан, и, оставшись в купальнике, Оксана решительным шагом направилась навстречу стихии.

«Не такие уж высокие волны. Раз другие плавают, я тоже справлюсь».

Но стоило ей войти в накатившую волну, та подхватила ее, безжалостно поволокла, и ударивший следующим вал закрутил, завертел ее, беспомощно барахтавшуюся, не давая ни выплыть, ни глотнуть воздуха. Оксана не понимала, где верх, где низ, мгновенно потеряла ориентацию в пространстве, и лишь дикий, животный страх заставлял ее отчаянно сопротивляться.

– Держитесь! Я иду!..

Уже теряя сознание, Оксана ощутила, как чьи-то руки обхватили ее и с силой повлекли в сторону берега. Когда она пришла в себя, то обнаружила, что лежит на камнях дикого пляжа, и ей в рот вдыхают воздух чьи-то влажные, соленые губы.

– Что вас понесло в воду?! Вы могли погибнуть!

Она увидела над собой встревоженный взгляд блестящих черных глаз, и они показались ей знакомыми... Где-то она уже видела это смуглое красивое лицо...

– Карпы по двести рублей, – прошептала она.

– Я тоже сразу тебя узнал, еще издалека... – Парень улыбнулся белоснежной улыбкой дикаря.

И Оксана выпала из времени.

Чтобы согреть, юноша растер ее полотенцем, укутал в шерстяную кофту и прямо на берегу развел костер. Так они и сидели, тесно прижавшись друг к другу, на пустынном диком пляже и не замечали, как море постепенно утихает, зарумянившись отблесками заката.

– Что ты так смотришь на меня?.. – шепотом спросила Оксана.

– Хочу запомнить цвет твоих глаз.

– Обычные серые глаза...

– Неправда, – прошептали его губы уже совсем близко от ее лица, пока она медленно, уступая ему, опускалась спиной на холодную гальку, – У тебя зеленые глаза. Как у русалки...

Ни с чем не сравним тот момент, когда в твоей жизни появляется новый мужчина, и ты начинаешь привыкать к его имени. Мысленно повторяешь его, раскладывая по слогам, пробуешь его на вкус и наконец начинаешь выдыхать его,

чувствуя, как мягко оно ложится на твоё дыхание: «Во-ло-
дя!...»

Она просыпалась посреди ночи, с нежностью всматриваясь в скрываемое темнотой спящее лицо юноши, и снова блаженно засыпала, каждый раз упуская момент, когда на рассвете он неслышно исчезал, чтобы отправиться с отцом в море на рыбную ловлю или на рынок. Целый день она загорала на пляже или гуляла по набережной, наслаждаясь морем, небом и солнцем в трепетном ожидании вечера. И когда он возвращался в ее домик, она бежала ему навстречу, завернутая в белое махровое полотенце – загорелая, в нимбе летящих по ветру волос. На фоне золотистого загара отчетливо выделялись светлые полосы нетронутой солнцем кожи, и когда она бросалась ему на шею, полотенце падало, обнажая белизну ее груди, волнуяще вздымавшихся в такт учащённым ударам сердца.

– Осторожнее, больно! – Оксана ойкнула, когда его губы закрыли розовый островок обгоревшей кожи на ее плече.

– А вот потому что нечего лениться и выходить на пляж в самый зной. Больше я не буду щадить тебя, соня, а стану будить на рассвете, чтобы ты шла купаться с утра пораньше, пока еще прохладно.

Она покачала головой.

– Я не ленюсь. Просто мне нравится заставать на берегу полуденный час, когда солнце достигает верхней точки и светит высоко-высоко в небе, скрадывая тени и играя бликами

на воде. В это время на душе как-то особенно светло. Кажется, что море подмигивает тебе солнечными зайчиками, зазывая окунуться еще, еще...

Ничто в те дни не тревожило ее. Ни то, как быстро и безыскусно она отдалась ему, ни восьмилетняя разница в возрасте, ни пропасть между их мирами, и даже неминуемое расставание и возвращение в Москву казались тогда чем-то далеким и малозначимым. Оксана просто наслаждалась выпавшим на ее долю счастьем, не желала терять ни минуты, полной грудью вбирая естественную радость бытия. Она как будто заново, с детским удивлением открывала для себя цвета и запахи, вслушивалась в гармоничный цокот древесных цикад, влюблялась во вкус зрелых овощей и свежепойманной рыбы, которую Володя приносил с собой и жарил на мангале в маленьком саду возле ее домика, а потом кормил Оксану прямо из рук, вкладывая ей в рот самые лучшие кусочки.

Этот месяц казался Оксане бесконечным, время словно застыло, слившись в один удивительный, вновь и вновь повторяющийся день. И одновременно он был столь мимолетен, что, когда наступил момент уезжать, она просто не могла в это поверить. Рыдающую, задыхавшуюся от слез, Володя провожал ее на автобус, непрестанно обнимая и утешая поцелуями. Они вновь и вновь повторяли друг другу обещания звонить, писать и непременно встретиться как можно скорее.

Сидя в вечернем автобусе, везущем ее в симферопольский аэропорт, и глядя на свое отражение в оконном стекле, то вспыхивавшее, то гаснувшее из-за света мелькавших вдоль дороги фонарей, Оксана утирала льющиеся без остановки слезы и боялась даже на мгновение потерять стоявший перед глазами образ. Ни в тот момент, ни еще долго после она не решалась себе признаться в том, что твердо знала в глубине души. Ее юный таврический бог навсегда оставался там, в своей морской стихии. Отныне для нее он будет существовать лишь в памяти, представляя в воображении прекрасным, светлым пятном, освещающим ее красоту и молодость. В этом не было трагедии, не было боли. Лишь тихая, светлая грусть даже спустя годы будет окутывать её сердце при воспоминании о нем. И, вспоминая, она еще не раз еле слышно выдохнет его имя: «Во-ло-дя!...».

– Послушай, Оксана... – Рука начальницы слегка коснулась Оксаниного плеча. – Ты делаешь сейчас огромную ошибку. Подумай только, как много дала тебе наша компания, какой бесценный опыт ты приобрела за это время. Думаю, уже через какие-нибудь год-два тебя может ждать повышение, а прибавку к зарплате мы можем обсудить прямо сейчас.

Оксана решительно мотнула головой.

– Нет. Я хорошо подумала и приняла решение.

Выражение лица начальницы, еще мгновение назад оза-

боченно-участливое, резко сменилось на привычное – возмущенное и пренебрежительное. Она вернулась за стол, резким движением подмахнула Оксанино заявление об уходе.

– Что ж, я предупреждала тебя не раз. Нужно не просто выполнять порученную работу, нужно научиться жить корпоративным духом, мотивировать себя к развитию. Если ты не вписываешься в наш поток, он тебя выбрасывает. И сейчас ты просто пасуешь перед трудностями, вместо того, чтобы преодолевать их и...

– Нет! – Оксана впервые гордо и прямо встретила взгляд начальницы. – Просто мне не нравится эта работа. И мне очень не нравитесь вы.

Осенняя листва уютно шуршала под ногами, когда Оксана бодро шагала по дорожке дышащего прохладой московского парка. Подмышкой она сжимала мольберт, в руке раскачивалась сумка с холстом и красками. У нее не было работы, не было жениха, ей только что исполнилось двадцать восемь. Но на душе было спокойно и радостно.

Со всей остротой и ясностью к ней теперь пришло осознание: все, что так недавно казалось ей упущенным, несостоявшимся, навсегда потерянным, еще просто не успело начаться. Это был полдень, светлый полдень ее жизни.

Соскальзывая с веток, рыжие лапки кленов в танце опускались на землю, небо скрывали густые облака и воздух был пропитан сырым, пряным запахом земли. Чувствовалось,

что не сегодня-завтра в столицу придут первые заморозки. А где-то там, далеко на юге, сверкающим шелковым покрывалом колыхалось море и солнце стояло в зените.

Послания к незнакомому мужчине

1

«Мой темный ангел!.. Я буду называть вас так, пусть мы с вами и незнакомы. В бессмысленных мечтах увидеть вас снова я, как подросток, представляю, что невзначай опрокидываю бокал вина вам на рубашку, эффектно ломаю каблук возле барной стойки, за которой вы задумчиво потягиваете виски... Глупость. Пошлятина из дешевых романов, героини которых неизменно выигрывают джек-пот. Простите. Я и сама не знаю, что несу. Это какое-то безумие. Для юной девушки это еще было бы мило. В моем случае – вопиюще нелепо. Второй час ночи. Тишина. Я сижу на полу в гостевой спальне под самым окном, с тревогой вслушиваясь в мирное похрапывание мужа за стеной. Боюсь включить свет, довольствуясь освещением полной луны. Пишу мужчине, который даже не подозревает о моем существовании. Что же вы сотворили со мной... Или это все я сама?.. Ощущение, будто пробежала по падающему мосту, оставив за собой пустоту. Оглядываюсь – ничего. Только тот вечер. И тот как в тумане.

На самом деле, я обычно не бываю в таких местах. Да и в вашем городе я оказалась только потому, что мой супруг зачем-то решил тащить меня в эту дурацкую командиров-

ку. В каком-то смысле, жена бизнесмена – это тоже профессия. Присутствовать там, где не хочется, улыбаться тем, кто неприятен... Твоя партия расписана, ты не можешь позволить себе импровизацию.

Но в тот вечер я подняла бунт. Да, да! Я сказала, что на следующий деловой ужин он может заказать себе эскорт, если ему так нужна рядом механическая кукла с застывшей улыбкой, пока он окучивает своих китайцев. Все равно все длинноногие блондинки для них на одно лицо, подмены они не заметят.

Мы ожесточенно спорили, пока наш автомобиль петлял по плохо освещенным улицам, и, теряясь в потоке колких, ядовитых фраз, я хотела только одного – перебить чем-то это иссушливое, сводящее рот послевкусие шампанского брют, которое подавали за ужином, заглушить этот бессмысленный, мучительный разговор. Я сказала водителю остановить. Муж был против, но я не слушала, и ему ничего не оставалось, как последовать за мной в тот первый попавшийся клуб...

Что вы пели тогда?.. Я не помню. Не могу восстановить в памяти слова, с трудом вспоминаю мелодию, но изнутри меня наполняет ваш проникновенный голос, бархатными нотами достигающий самой глубины. Вглядываясь в ваш подвижный, нервный силуэт в черной рубашке, в смутные черты вашего лица, точно нимбом, озаренные светом рамп, я и подумать не могла, что с первой же ночи по возвращении

домой ваш призрак будет приходить ко мне, лишь только в спальне погаснет свет. И теперь каждую ночь при его появлении у меня слабеют ноги, мутится разум, я почти не могу дышать...

Ведома ли вам бессонница, мой друг?.. Я давно с нею на ты. Иногда не смыкаю глаз до рассвета, наблюдая, как под первыми утренними лучами над головой проступают завитки гипсовой лепнины, наливаются цветом шелковые портьеры на окнах, на стенах вспыхивает позолота. Когда не спишь несколько ночей подряд, в сознании начинает что-то меняться. Что-то заставляет делать вещи, казалось бы, тебе несвойственные. Так сегодня я со всей остротой безумия осознала, что больше не могу. Не могу скрывать от вас и от самой себя то пламя, что сжигает меня изнутри и бьет по телу быстрыми волнами лихорадки. Я, послушная дочь потомственного дипломата, с детства в совершенстве овладевшая искусством молчать, сегодня отдаюсь порыву непреодолимой силы – жажде всецело довериться вам. Сегодня впервые, столь же неизбежно, как само дыхание, из моей груди рвется: я люблю... И пусть ответом мне будет знобящий холод безмолвия, я хочу, чтобы вы знали. Где-то вдали от вас одно заблудившееся сердце медленно и тяжело сгорает, случайно подхваченное мятежным вихрем вашего бытия».

«На мое прошлое письмо глупо было бы ожидать ответа. Напиши мне кто-нибудь подобное послание, я со смехом порвала бы его в клочки и швырнула в мусорную корзину, приняв за розыгрыш или бред сумасшедшего. В наш бесслезный век не принято писать письма, а чувства следует держать под замком до тех пор, пока они не задохнутся в безвоздушном пространстве одиночества. Но я не могу не писать вам, это сильнее меня. Рука сама тянется за новым листком бумаги, и вот я уже снова торопливо вывожу дрожащие буквы, пытаюсь догнать рвущийся вперед поток мыслей.

Иногда бессонной ночью, вглядываясь в звенящую черноту потолка, я гадаю, могли ли вы заметить меня тогда. Возможно, в коротком перерыве между песнями вы бросили взгляд в затемненный зал, и в поле вашего зрения попала грустная блондинка в черном платье «от кутюр» с открытыми плечами. Возможно, неотрывно глядя на вас, я на мгновение притянула ваш ответный взгляд, и, кто знает, вдруг где-то на периферии вашей памяти я тоже осталась плохо различимым фантомом женщины, которую вы могли бы когда-нибудь полюбить...

Да нет же, нет, это невозможно. Яркий свет наверняка слепил вас, делая лица в зале сонмом одинаковых зыбких бликов. Да и сидела я в самом углу, в отдалении, к тому же

не одна. Как жаль, я вполне могла бы вам понравиться. Меня всегда считали весьма привлекательной. Впрочем, красота женщин моего круга мало зависит от природы. Имея деньги и время, несложно быть красивой. К моим услугам вся палитра женской индустрии, способная создать иллюзию совершенства и из менее податливого материала. Особое внимание я всегда уделяла волосам. Люблю их, считаю главным своим украшением. Обычно, выходя в свет, я закалываю их на затылке в форме ракушки, оставляя на свободе лишь несколько завитков у самого лица. Такая прическа удлинняет шею, заставляет вытягивать спину в струну и делает меня недоступной для скользких взглядов и фривольных разговоров. Но сама я люблю тот момент, когда по возвращении домой подхожу к зеркалу и одним движением вытаскиваю заколку, давая волосам волю в беспорядке рассыпаться по плечам. В этом жесте есть что-то подкупающе живое, что-то настоящее. Хотя, должна сказать, и здесь таится обман. От природы у меня темно-русые волосы. Платиновой блондинкой я стала после тридцати. Блонд идеально скрывает первую седину и смягчает лицо, делая его моложе. Увы, я даже не заметила, как мне исполнилось тридцать семь.

Пробуждая картины прошлого, я не перестаю удивляться, куда делось столько времени. Сами собой, без усилия, первыми всплывают в памяти студенческие годы. Они предстают в образе моей собственной тени, бегущей наискосок от меня по светлым пологим ступеням МГИМО, согрето-

го душистым теплом назревающего лета. Прямая, преувеличенно длинная, со стройными ногами, оголенными короткой юбкой от Valentino, моя тень опережает отраженную солнцем стайку подруг, с которыми мы спешим перекусить между парами в одной из институтских кафешек. Студенческие годы были для меня, пожалуй, самыми счастливыми. Хотя и тогда, как и в течение всей жизни, нам, представительницам «высшей касты», ни на минуту не было дозволено забыть, кто мы. Окинув взглядом любую из наших однокурсниц, мы тотчас могли сказать, на какую сумму она «упакована», и по лейблу на сумке определяли подходящий для себя круг общения. И дело тут было не только в нас, но и в них – девочках с «шанелью» с Черкизовского рынка, которые сторонились и не любили нас, золотых дочек столичной номенклатуры. В глубине души завидуя босоногой романтике общезжития, где в недоступной для меня атмосфере свободы наши однокурсницы из провинции варили на общей кухне дешевые пельмени, я после учебы неизменно возвращалась в элитную родительскую квартиру. Столь идеальную, что даже бедной кошке, поселившейся у нас дома, во спасение антикварной мебели заставили удалить когти, после чего она долго болела.

Отстраненно, издалека, как будто это было не со мной, я могу воскресить в памяти и те три года, когда после института работала в посольстве в Швейцарии, справляя мелкие канцелярские дела и шлифуя знание иностранных язы-

ков. Белая шелковая блуза, строгая юбка-карандаш, элитные капроновые чулки из женеvского универмага Globus. Все, с чем у меня ассоциируется моя не слишком продолжительная карьера в посольстве, – это цоканье шпилек по паркету, пока я вышагивала туда-сюда, перенося бумажки из одного кабинета в другой.

Тогда-то я и встретила своего будущего мужа. Оказавшись по делам в Швейцарии, он не случайно познакомился со мной – в нашей жизни вообще не находилось места случайностям. Зная через общих знакомых моего отца, он не преминул попытаться счастья с его дочерью, и партия эта показалаcя всем весьма удачной. Куда делись последующие полтора десятка лет?.. Я не знаю. Сейчас я вижу их как один нескончаемый день, где я играла роль в чужой отрепетированной пьесе. Произносила заученные слова. Смеялась, когда положено. Парировала репликам партнеров на фоне роскошной бутафории декораций. В антрактах меняла наряды для следующего эпизода... Вам это, наверное, кажется смешным?.. Я и сама была бы рада засмеяться. Смыть грим. Обрушить занавес. Как думаете, я очнусь?..

Простите, я устала. Сейчас уже третий час, я выпила двойную порцию «Бакарди», чтобы наконец уснуть. Мысли путаются... Доброй ночи, мой ангел».

«На чем я в прошлый раз остановилась?.. Ах да, на моем замужестве. Я даже самой себе не могу объяснить, как это произошло. Не было ни предложения, ни кольца в бархатной коробочке. Просто в какой-то момент мы стали буднично обсуждать предстоящую свадьбу, как нечто само собой разумеющееся, давно решенное и естественное.

Как-то незаметно для себя самой я с головой ушла в подготовку этого грандиозного мероприятия. Все должно было быть дорого и безупречно, продумано до мелочей. Это делалось не для себя, конечно. Будь моя воля, я бы тогда, пожалуй, предпочла уединенную брачную церемонию где-нибудь на берегу моря. Но это нужно было для других. Родственников, влиятельных друзей, папиных чинуш и представителей столичного бомонда. Мы с шиком отгуляли в ресторане «Прага», многократно запечатлевшись в красивых позах на фоне зеркал, сверкавших отражением бриллиантов и дорогих вечерних платьев. Сейчас ресторан «Прага» стоит пустой и закрытый, и я проезжаю мимо него, как мимо собственного мемориала, подзабытого и позаброшенного, но еще хранящего в своих стенах призрака моей юности, которую я в тот день там оставила.

Жизнь с моим супругом с самого начала потекла очень спокойно. Бурных страстей между нами никогда не было, я

даже не задумывалась, люблю я его или нет. Просто рядом с этим зрелым, состоявшимся, приятным во всех отношениях человеком я твердо знала, что у меня будет все. И он действительно дал мне все. Уже через два года после бракосочетания у нас был собственный особняк в элитном подмосковном поселке, а денег он мне давал столько, что даже при развитом искусстве мотовства я все равно не успевала их до конца потратить. У меня были экономка, садовник, персональный водитель для выезда в город – в салоны, бутики и рестораны. Короткие, но частые командировки и деловые ужины с богатыми иностранцами, в которых я регулярно сопровождала супруга, были нашими буднями, а организованные мужем отпуска мы проводили на лучших морских курортах или в топовых европейских столицах, бездумно пожирая мировое пространство щелчками фотокамер и мгновенно забывая все, что чирикали нам услужливые гиды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.